

Из воспоминаний моего отца,

Августа Петровича Штира

Моё детство

В 1898 году я появился на свет, что считалось Божьим благословением. О благословении Бога нам мама позже часто рассказывала – как она день и ночь мучилась с нами – десятью детьми. А я среди этих десяти был как сорняк.

Мне часто приходилось прятаться от плётки, а братья и сёстры искали меня часами: в доме, во дворе, во всех укромных местах. И находили там, где никто не ожидал – в боксе у жеребца!

Я тонул в простокваше и только чудом спасся. Залезал на всё, пытался кукарекать как петух, упал с сеновала и два дня лежал, как мёртвый. Отец сказал: «Молитесь богу, он поможет нам в нужде!»

Ночью я часто, из ослиного упряма, бродил. И однажды случилась беда: я попал в горячий котёл. Я стоял и орал: «Ава!» Представляю себе, как отец схватил меня, ударил два раза по заду и спросил: «У тебя что, совсем нет спокойного мяса?»

Затем Пётр принёс дёготь, что стоял в сенях. Мне намазали им ступни – как лучшим средством от ожога.

Однажды в первый день Рождества я упал в кипяток. «О Господи, какая мука! Господи, помоги нашему сорванцу, мы же его любим, хоть он и наполнен чертовщиной!» От этих отцовских слов и боль чуть отступила. Мама сказала уныло: «Сколько я должна из-за тебя пережить – так и жизни можно лишиться...» Но выяснять, как это случилось и кто виноват, не было времени. Я стоял голый и весь в пузырях. Врачей в деревне не было, поэтому передо мной стояла старая акушерка, держа лейку с уже знакомым мне дёгтем. Быстренько обмазала меня всего, сказав, что это поможет лучше всего. В Рождественские праздники вскрыла пузыри, убрала кожу и ещё чем-то побрызгала, так, что ещё сегодня жжёт меня. Но зато раны быстро затянулись – за две недели рождественских каникул, что были тогда у детей. Так грустно я провёл каникулы в свой первый учебный год.

Образование я по тому времени получил хорошее: 7 классов. Учился хорошо и всегда числился в первых учениках. Но был и приличным хулиганом. Раньше родители приносили в школу хворостины для наказания непослушных. Отец приносил всегда двойную норму.

Но самым страшным наказанием было следующее.

Учитель заблаговременно предупреждал родителей и всю улицу, по которой провинившийся должен проехать на «лошади верхом» - оседлав палку между ног. И вот, когда я следовал на палке по своему маршруту домой, то все старики и старухи, сидевшие на скамейках у своих домов, поочередно вставали. А старики снимали головные уборы и низко кланялись проезжающему в пояс. Отец тоже дожидался меня, своего сыночка, раскрыв ворота и двери в конюшню. Встречал доброжелательно, как почетного гостя. Приглашал поставить своего «вороного скакуна» в стойло. Но самое страшное было впереди: будь то трапеза, выполнение домашних заданий или даже ночь – заставлял по несколько раз проверять разбушевавшегося в стойле скакуна. И всё это спокойным тоном: «Ну-ка, Август, иди-проверь твоего скакуна, а то он нашим лошадям покоя не дает!». А утром начиналось то же в обратном порядке. Отец открывал ворота

и провожал меня в школу на моём верном скакуне. И всё те же старики и старушки со своими приветствиями.

Вот такую меру наказания испытал я на собственном опыте.

Моё происхождение и мною пережитое

Пётр Штир – мой отец. Мать – Биттер Катерина-Елизавета.

Родина их – Йост и Лауве. Оттуда ещё детьми они вместе с родителями переехали в степь, к реке Еруслан, где люди жили ещё в палатках. Там и заложили Шиллинг – наше село.

Люди, как ласточки, строили себе жильё из глины с соломой, потому что дерево было сложно достать. В тяжкие годы переселения они становились на ноги постепенно.

Если выдавались свободные дни, посещали школу. В школах преподавали религию, чтение. Писали грифелем на доске. Математика тогда была не обязательна: зачем мучить детей, каждый и так потом этому научится в жизни.

Там и познакомились наши родители.

В 1891 году они поженились, за девятнадцать лет у них родилось десять детей. Разрослось и хозяйство.

Мои предки: дедушка с бабушкой, которых по воле судьбы я не помню. Отец с братьями и сестрами. А высокий мужчина — работник, который, по рассказам отца, мог кусачками перекусить дюймовые гвозди. Слева сидят: отец, Конрад, Давыд и стоит старший брат Петр. Кто на кого похож: я на отца или он на меня?!

Затем последовали тяжелые военные годы, длившиеся семь лет. И наша семья была втянута в эту беду. Хозяйство было разрушено. А когда советская власть победила на всех фронтах, уничтожила банды, которые восстали по всей стране, повсеместно господствовала большая нужда. И тогда главной задачей было победить голод, который косил людей, как коса траву.

Чтобы быстрее восстановить хозяйство, нас демобилизовали из армии в помощь советам в деревнях, чтобы доказать тем самым, что красноармейцы в это тяжёлое время помогут деревне решить эту проблему.

Подняли – восстановили хозяйство трудом и потом. Но от того, что последовало затем, меня передёргивает ещё сегодня. Потому что позднее никого эти Советы не щадили, и борцов за новую власть – тоже. Они должны были тогда умереть. А то, что мы были красными командирами, знал в деревне каждый.

Кругом началась коллективизация, а нас признали «кулаками». Завысили нам план по сдаче зерна в пять раз. И кто это не выполнил, был приговорён судом к трём годам высылки. В их числе оказались и мы. Наше имущество забрал коллектив. А с нами уже к вечеру обходились как с преступниками: упрятали нас в тюрьму, превратили в нищих. Затем отправили на Урал валить лес, что было для нас мучением. Тяжёл был этот незнакомый для нас труд – валка леса. Вдобавок ещё и сильный холод. И снега было больше, чем надо.

А.П. Штир, 1930 г.

Хлеба выдавали согласно выполненной норме, и так – все продукты питания. Так что для нас было искусством сводить концы с концами, сохранить свою жизнь, хоть и были мы молодые, сильные, здоровые и никакая работа нас не пугала. Мы выполняли план по всем видам работ, которые нам давали. Руки у нас были золотые, на работе нас ценили и привлекали как крупных специалистов. Так я был вынужден, как Иосиф, однажды сказать своим братьям: «Вы с нами поступили плохо, но есть Бог, чтобы всё исправить».

Так как отец наш уже был стар, не попал он с нами в лес. Его выслали в Сыктывкар, где он тоже отбыл три года. А женщины с детьми были изгнаны из деревни в чисто поле. Они вырыли себе землянки, чтобы было где жить. И там в первую зиму умерло двое наших детей. Каждый может себе представить, что за воздух был в этих

землянках; стены были в них покрыты изморозью. Недостаток топлива, беда с водой. Питались тем, что собирали милостыню. Но и во время этих походов их преследовали. Приходилось уходить за 15 км собирать подаяние и как-то кормить безвинно страдающих детей.

Это было тяжкое время классовой борьбы. Всем заведовал сельсовет, он всё решал, решения не подлежали обсуждению.

Позже женщины тоже приехали к нам на Урал.

К людям там относились без различий. Работа была для каждого мужчины по его профессии или способностям. И тот, кто выполнял свой план, был уважаем и ценен. Люди с умом могли жить там намного лучше, чем на Волге.

Но наступил 1937 год, такой жестокий, страшный.

Я был тоже подвергнут репрессиям: безо всякой вины арестован, оторван от родных. И никто не должен был знать, по какому обвинению или подозрению я был взят в полночь. Посажен был в тюрьму, где людей набивали как рыбу в бочки. И там я должен был признаться в том, что я и в жизни не делал.

Двести сорок дней я был оторван от своих и провёл в жутких условиях. Затем меня отправили в лагерь, совсем исхудавшего – кожа да кости. А там ещё требовали работу, и ежедневно только и слышалось «давай-давай».

В конце 1938 мне было сказано чётко и ясно, что я осуждён военным трибуналом г. Свердловска, осуждён как шпион. Но я никогда и не видел этого «судью». Присудили 10 лет строгого режима; приговор вступил в силу.

Но это не должно было выбить меня из колеи. Я вынужден был терпеливо отбывать 10 лет ни за что. На дальнем севере, где солнце зимой не показывается и днём, где хозяйничают суровый климат и жестокий мороз и проверяют всех на прочность.

Жили мы в хижинах, нас охраняли с собаками. И, чтобы никто из лагеря не исчез, дважды в день нас часами на страшном морозе пересчитывали. Питание было очень скудным, свирепствовала пеллагра. Желудки у людей атрофировались и даже нищенскую еду не переваривали. И неудивительно, что из сотен людей выживали единицы.

Отбыв все 10 лет, избежав смерти, я был отправлен на Урал, где находились моя жена и дети. Там мы, как немцы, были под надзором спецкомендатуры.

Всех немцев выслали в Сибирь, Казахстан. Разбросали их так, что родственники потеряли друг друга. Немецкие дома опустели. И после войны никто не мог вернуться в свой дом.

И остался я с «сидором» и «майданом» (фанерный чемодан), за которые «честно отпахал» почти 11 лет.

Позднее, в 1957 году, я был реабилитирован. И, как всю свою жизнь, честно и добросовестно трудился контролёром, ревизором и главным бухгалтером.